

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 179.9

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-383-392

EDN ZSHNPN

Современная культура: проблема старой и «новой» нормальности

¹ Золотухина-Аболина Е.В. , ² Пендюрина Л.П.

¹ Южный федеральный университет

Россия, 344006, Ростов на Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

² Донской государственный технический университет

Россия, 344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

elena_zolotuhina@mail.ru; prinpet@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению понятия «новая нормальность», заявившего о себе как очередное завоевание западного прогресса. Авторы показывают, что этот недавний феномен – результат специфики современного информационного рыночного общества, приведшего к неправомерной гипертрофии представлений о человеческой свободе. Западный человек, пожелавший «стать на место Бога», решил, что «нормальным» является отрицание любых ограничений своеволия – как трансцендентных, так и природных. «Нормален» любой индивидуалистический каприз и абсурдные требование узкой группы. Из этого вытекает объявление «нормальным» и даже модным отказ от деторождения, половой идентификации, прав большинства и даже от стремления к самосохранению. Утверждается отсутствие различий между нормой и патологией. Авторы полагают, что «новая нормальность» – болезненное социальное явление, поддерживаемое корыстными элитными кругами Запада, и должна быть преодолена возвратом к «старым» гуманистическим нормам.

Ключевые слова: норма, ценности, новая нормальность, старая нормальность, новая этика, трансцендентное, гуманистические ценности

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е.В., Пендюрина Л.П. 2025. Современная культура: проблема старой и «новой» нормальности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 383–392. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-383-392 EDN: ZSHNPN

Contemporary Culture: the Problem of Old and "New" Normality

¹ Elena V. Zolotukhina-Abolina , ² Ludmila P. Pendyurina

¹ Sothern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

² Don State Technical University

1 Gagarina Sq, Rostov-on-Don 344000, Russian Federation

elena_zolotuhina@mail.ru; prinpet@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the "new normality" that has declared itself as another achievement of Western progress. The authors show that this recent phenomenon is the result of the specifics of the modern information market society, which has led to an unjustified hypertrophy of ideas about human freedom. Western man, who wished to "take the place of God", decided that "normal" is the denial of any restrictions on self-will, both transcendental and natural ones. "Normal" is any individualistic whim and

absurd demand of a narrow group. As a result, such behaviors as the child-freeness, rejecting sexual identification, the rights of the majority and even the desire for self-preservation become accepted as “normal”. The study reveals the absence of differences between the norm and pathology. The authors of the article believe that the “new normal” is a painful social phenomenon supported by the selfish elite circles of the West, which must be overcome by returning to the “old” humanistic norms.

Keywords: norm, values, new normality, old normality, new ethics, transcendent, humanistic values

For citation: Zolotukhina-Abolina E.V., Pendyurina L.P. 2025. Contemporary Culture: the Problem of Old and “New” Normality. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(2): 383–392 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-383-392 EDN: ZSHNPN

Введение

Данная работа посвящена выяснению того, что значит «жить нормально», где слово «нормальность» несет выраженный оттенок позитивности, который звучит в ответе на вопрос «Как поживаете?» – «Нормально». «Нормально» в этом случае означает: «Без бед: живем-поживаем, добра наживаем». В этом смысле «нормально» – это хорошо, дружно, благополучно, без потрясений, с радостями и умеренными удовольствиями. Но что в содержательном смысле означает эта «нормальность»?

Такой вопрос не возникал бы, если бы в конце XX и начале XXI века прежнее представление о нормальности не пошатнулось бы, не изменило своего содержания, не стало получать смыслов, прямо противоположных тем, что выковывались веками. Наша эпоха – эпоха переворачивания моральных и психологических устоев с ног на голову, и даже если этот шокирующий пересмотр традиционных представлений о нормальном поведении и одновременно о добром и злом – результат экономической и политической кампанейщины, все равно надо разобраться в том, какова его суть. Осветим хотя бы некоторые аспекты идущих трансформационных процессов и их вероятные перспективы. При этом следует подчеркнуть, что выражение «новая нормальность» используется нами в ином смысле, чем это принято в экономическом или международном контексте. Речь идет не об изменениях в стиле политики, не о доминировании в экономике виртуальных форм, а о возможности/невозможности пересмотра *фундаментальных этических установок, связанных с выживанием человечества*, с решением вопроса, смогут ли современные люди сохраниться и как природные существа, и как существа моральные и духовные.

Норма и ценности. Устои старой нормальности

В исследовательской литературе можно найти как минимум две позиции по поводу понятия нормы. Так, автор Н.Б. Тетенков пишет: «Если суммировать большинство представленных в современной историографии определений, то можно сформулировать следующие характеристики “нормы”: (1) нормальным является то, что таково, каким оно должно быть; (2) нормальным, в наиболее обычном смысле этого слова, является то, что встречается в большинстве случаев определенного вида, или то, что составляет либо среднее, либо стандарт измеримой характеристики» [Тетенков, 2020]. Очевидно, что понимать норму просто как нечто широко распространенное, явно недостаточно, что звучит в текстах других аналитиков. Например, в статье целой группы авторов-психиатров отмечается: «Характерное для общей медицины понимание нормы как стандарта, как среднестатистического показателя следует расценивать с долей условной относительности, иначе кариес, имеющийся почти у каждого взрослого человека, необходимо будет считать нормой» [Косенко и др., 2016]. И коррективы в представления о норме вносит не только индивидуальное проявление всякого типичного поведения и

реагирования, но также представление о норме как «соответствии предмета своей идее»: нормален человек, который ведет себя по-человечески – проявляет разум, волю, ответственность, то есть является воплощением понятия «человек».

Таким образом, в первом своем значении нормальность оказывается *связана с ценностями*, с максимальным соответствием *ценностному эталону*, а эталоны могут быть разными. Хорошую эвристическую мысль мы находим в статье Н.В. Федоровой, которая указывает на два представления о человеке, пришедшие к нам из античности. Одно представление принадлежит Сократу, и оно связано с пониманием человека как обладающего божественной способностью разума, способного искать и находить истину, осознавать благо как нечто, стоящее выше чувственного индивида, различать правильное и неправильное. Нормальный человек в сократовско-платоновской интерпретации – это тот, кто способен возвышаться над телом, соотноситься с миром идей – идеальных образцов. Платоновский Сократ становится претечей кантовской этики долга. Другое понимание мы фиксируем у Протагора, оно звучит как «человек есть мера всех вещей». Оно ориентирует человека на эмпирическое следование собственной выгоде и удовольствию, при том что чужие проблемы оказываются исключительно чужими. Кстати сказать, субъективистская формула Протагора, борца за собственные интересы, оказалась очень популярна у интеллектуалов XX века, когда массовая секуляризация отодвинула в сторону фигуру христианского Бога. «Можно соглашаться с Сократом или Протагором, – пишет Н.В. Федорова, – но мы должны отдавать себе отчет в том, что, вставая на любую философскую позицию, мы принимаем строго определенную точку зрения на проблему нормы и ненормальности человека. Если мы соглашаемся с Протагором, то мы не можем считать нормальным человека, который имеет возможность безнаказанно украсть и не делает этого из моральных принципов, ведь это противоречит принципу успеха. Однако если мы согласимся с Сократом, то мы не можем считать нормальным человека, который свободное время посвящает обжорству и сексуальным развлечениям. Это противоречит принципу самоограничения. Таким образом, любое представление о норме или отклонении от нее уходит своими корнями в философию. Считая, что действия людей ненормальны, мы тем самым занимаем философскую позицию» [Федорова, 2016].

Однако, следуя Сократу либо Протагору, мы занимаем не только философскую, а вообще *ценностную* позицию, исходя из которой мы говорим, что нормально, *а что – ненормально, и одновременно – что есть добро, а что – зло, что – здоровье, а что – болезнь* (будь то болезнь тела или духа).

После Сократа и Платона в европейской культуре протекли века христианства, которое при всех своих отличиях от античной мысли продолжило «линию Платона», видя в человеке прежде всего духовное и моральное существо, а, начиная с эпохи Ренессанса, также существо разумное, свободное и ответственное. И свобода изначально понималась христианством в первую очередь как *свобода от страстей и капризов плоти, от разрушительных аффектов и иррационального своеволия*.

Конечно, если взглянуть на реальный этос протекших веков, то мы не увидим благолепия. Грубые нравы, жестокость, алчность, пороки – все это постоянно воспроизводилось в быту любых классов и сословий, но – и обратим на это внимание! – *никогда не считалось добром и образцом*. Если они и были «нормальны» – то лишь во втором смысле, как, к сожалению, слишком часто встречающиеся в нашем падшем мире. Низменность и вульгарность, бессердечие, извращения, имевшие место в повседневности, собственно, и оценивались как таковые – *как наличное зло*, потому что идеальная иерархия «благого» в большей или меньшей степени присутствовала в умах всех людей: от социокультурной элиты до самых простых бедняков.

Эта иерархия лишь эпизодически уходила в тень и уступала место вполне экстраординарному буйному веселью, насмешке, глумлению над сакральным и гипертрофии – в моментах карнавала, о которых нам так ярко сообщает М.М. Бахтин

[1965], опираясь на тексты Ф. Рабле и И.В. Гёте. Здесь было и смакование темы телесного низа, и пиры, и шокирующее поведение, и пародирование священного. Но глумление и пародирование, так же как намеренная вульгарность, не были повседневной «благой нормой» поведения и не составляли ежедневного идеала. Все карнавально-перевернутое, противостоящее обычной жизни, связанной с семьей, трудом, рождением детей, было ситуативной разрядкой эмоций, после которой заведенный порядок восстанавливался. А порядок этот воспроизводил и утверждал *коллективную жизнь*: продолжение рода, укрепление сообщества, заботу о детях, уважение к старикам. Этот порядок бытия – и сельский, и городской – предполагал укрепление уз, следование традициям, молитву Богу, выполнение социальных обязанностей.

В интеллектуальной и духовной сфере «быть нормальным» означало способствовать жизни и процветанию, проявлять разумность, видеть ограниченность собственной свободы и умело пользоваться ее возможностями, преклоняться перед священным, проявлять благожелательность и христианскую доброту. Трудиться и поднимать на ноги новые поколения полагалось естественным, уважаемым и богоугодным делом, важность и достоинство такого поведения не подвергались сомнению. Эта «старая нормальность» была направлена одновременно в две стороны: в область *текущей эмпирической жизни, которую нужно было сохранить и упрочить*, и в область «горнего мира», ради которого нужно было и покаяться в своих прегрешениях, грязных помыслах и запретных желаниях. «Спасти душу» можно было лишь направив взор в область высшего – истины, добра и красоты. Человек был в ответе и *перед людьми, и перед Богом, и это считалось и нормальным, и похвальным*. Следует подчеркнуть, что *основные черты традиционной нормальности* органично перешли в светские гуманистические представления [Фромм, 1993; Маслоу, 1997], которые, не впадая в иллюзию вседозволенности, видят человека органично вписанным в природу, космос и социокультурные отношения.

И тем не менее слом «старой нормальности» начинается с расцветом буржуазной эпохи, с развалом общинности и общинной психологии, с секуляризацией, урбанизацией и выдвижением на первый план *фигуры индивида*, понятого как *суверенное, самоценное, совершенно свободное существо, которое может ни с кем и ни с чем не считаться*. Этот рожденный технической и производственной эрой предприимчивый индивид к концу XIX века уже полагает возможным и даже необходимым *перевернуть ценностную пирамиду и сделать ценным и нормальным, то, что он пожелает на данный момент сделать таковым*. И не важно, что идею сверхчеловеческого высказывает не английский миллионер-заводчик, а скромный и нездоровый немецкий филолог Ницше [1990], который к тому же и буржуазию не жалует. Его устами просто высказан пафос времени. Само историческое движение начинает видеться как разорванное, отрекающееся от своих истоков, прерывающее традиции – даже такие важные, как традиция создавать потомство и стремиться к общему благу. И в течение всего XX века стремление «поставить ценностную пирамиду вниз головой» только возрастало, теоретически воплотившись в текстах постмодернизма.

«Новая нормальность» как социальная патология в действии

Переворот ценностной пирамиды и рождение «новой нормальности», конечно, имели свои объективные причины. Прежде всего – превращение научного прогресса в широкомасштабное наступление науки и техники на человека с очевидной тенденцией вытеснить его за границы производственной деятельности. Это наступление имеет своих бенефициаров и выгодоприобретателей, экономическую элиту, изначально причастную к «подвалам» ценностной иерархии, то есть отравленную корыстностью и воодушевленную идеями социал-дарвинизма. Кроме того, массовая урбанизация радикально изменила образ жизни людей, усилила разьединенность и одиночество, а секуляризация сократила мир до его эмпирической составной, отбросив невидимые этажи священного. Изменялась культура как целое, изменялась повседневность, и сегодня мы тоже несемся в скором

поезде трансформаций, не до конца понимая, что нас ждет дальше. Однако так или иначе философская мысль отражала и отражает происходящие изменения, концентрирует их и запускает обратно в обыденное сознание. История философии XX века, как и история художественной литературы, театра, культурно-политических движений, выводит на поверхность ту «ценностную контрреволюцию», которая произвела на свет «новую нормальность» вместе с характерной для нее «новой этикой». Если в свое время появление христианства было в определенном смысле ценностной революцией, хотя и продолжением сократовско-платоновских установок, то нынешние изменения, несомненно, должны нести приставку «контр».

«Новая нормальность», особенно ярко проявившаяся с первых лет XXI века, сделала прежнюю норму патологией, а патологию – нормой. Современные авторы говорят об этом прямо: «Новая (современная) нормальность, – отмечает юрист и писатель Д.А. Корецкий, – есть совокупность форм поведения, которые традиционно и устойчиво считались ненормальными и противоречили принципам юриспруденции, нормам нравственности и морали, но в настоящее время получившие широкое распространение, не прямое или явное одобрение, а в некоторых случаях нейтралитет, выливающийся в попустительство, со стороны властных и общественных структур, и в силу многократного неосуждаемого повторения, постепенно закрепляющиеся в общественном сознании, юриспруденции и государственной идеологии в качестве нормы» [Корецкий, 2020].

А выражаются установки новой нормальности в следующих аксиологических и идеологических позициях:

1. Человек должен быть свободен от любых коммуникативных обязательств: от традиционных отношений с детьми, родителями, мужьями или женами. Он должен жить исключительно ради себя-любимого, себя кормить, лечить, развивать и развлекать, не заморачиваясь заботами о родственниках и «вторых половинках». Если нет другой жизни «на небесах» или даже «в аду», *то от жизни надо брать все здесь и сейчас*. Отсюда следует развал семьи, отказ от деторождения, отказ от личной душевной заботы о престарелых членах семьи: «живем одна». Огромное влияние на становление этой «новой нормальности» оказал европейский *феминизм*. Судьба феминизма [Курдюмова, 2020] парадоксальна. Начинаясь как справедливое требование равных политических прав для женщин, прав на образование и самостоятельность, феминизм в течение XX века превратился в требование ущемления и преследования мужчин, а также в абсурдное утверждение полного гендерного равенства с одобрением любых сексуальных девиаций. Тема «прав индивида на что угодно» стоит здесь в полный рост, а феминистки превратились из борцов за справедливость в фанатичных истеричек, которые везде и всюду изображают из себя жертву. Во главе угла оказалось «право не рожать»: не растить детей и не заботиться о них. С этим процессом «маскулинизации свободных женщин» соответственно связана «феминизация мужчин», которым тоже не нужны ни жены, ни дети и вполне хватает гомосексуальных утех. Отказ от традиции стал приводить к вырождению, оказался направлен уже не «против Бога», *а против продолжения жизни*, что ведет европейскую культуру к гибели в силу физического вытеснения «белых людей» другими народами, которые не отказались от старого завета «плодиться и размножаться».

2. Выдвижение на первый план человеческой индивидуальности с ее свободой при всем своем гуманистическом пафосе обострило чувство отчуждения и одиночества. В большинстве романов XX и текущего XXI века герои глубоко несчастны, пессимистичны и депрессивны, именно эта «новая нормальность» – «нормальность» *быть депрессивным или страдать биполярным расстройством*, нежно именуемым «биполярочкой», сделала столь популярным экзистенциализм, который не теряет позиций и сегодня. То же касается и кино. Тема самоубийства, которое всегда почиталось грехом, – сегодня «излюбленная» тема и психологии, и литературы, и кинематографии. Депрессивным, унылым, истеричным, тягостно-нездоровым быть не просто «нормально»,

но и модно. Вроде как «романтично», хотя к героической романтике прошлого это не имеет никакого отношения. Вообще всякое «выпадение за общепринятые пределы» в рамках нового видения прочитывается как нечто *допустимое и одобряемое*, отсюда идея, что «все сумасшедшие более нормальны, чем нормальные люди». Одним из вдохновителей подобного видения исторически был Рональд Лэнг, основатель движения антипсихиатрии. Он писал: «То, что мы называем “нормальным”, есть производное подавления, вытеснения, расщепления, проекции, интра-проекции и других форм разрушительного воздействия на переживание. Оно коренным образом отчуждено от структуры бытия» [Лэнг, 1995]. Для Лэнга общество прессует индивидов, понуждает их примкнуть к «разделяемой фантазии» социальных требований, потому вообще не стоит говорить о наличии безумия: социум сам безумен и болен. Грань между нормой и безумием стирается, всех пациентов психбольниц надо выпустить на волю, что и было в немалой степени сделано в Европе и США, несмотря на явную опасность агрессивных пациентов.

Избыточная акцентировка индивидуальности, противопоставляемой коллективности, а также свободы, оторванной от обязательств, привели к еще двум парадоксальным проявлениям «новой нормальности». Одно из них – предпочтение *требований и интересов малых групп по отношению к позиции большинства*. Это фактически означает отказ от демократии как «народовластия». Потому что какое же народовластие, если правила социальной игры диктует узкая группа – этническая, расовая или гендерная? Клятвы верности демократии здесь неуместны, поскольку в наличии узурпация влияния и решения небольшим количеством людей со своими партикулярными интересами. Эти люди объявляют супертолерантность (а проще – терпимость и всепрощенчество) к любым безобразиям и уголовным проступкам, к грабёжам и насилию, на которые они якобы имеют «историческое право». Так совсем недавно было в США и с чернокожими гражданами этой страны, и с сексуальными девиантами. Эти узкие группки, заявившие о своих «необыкновенных правах», готовы зачеркнуть всю прошлую историю, истребить память о выдающихся фигурах прошлого – политиках, писателях, ученых, порушить любые традиции – и все ради своих сиюминутных частных интересов, ради обогащения, присвоения денег и психологического реванша. Именно они насаждают патологическую «культуру отмены», стремясь «заканселить» все, что вызывает у них раздражение или зависть. Это называется «новая этика», о которой справедливо пишут исследователи Н.В. Жадунова и А.А. Гришневa: «Новая этика как ценностно-нормативная установка содержит в себе противоречие: декларируя ценности инаковости, нестандартности, нетрадиционности, терпимого отношения ко всему, что не укладывается в привычные нормы и практики, она в то же время достаточно агрессивно навязывает обществу и каждому отдельному человеку взгляд на Другое и Другого не как на равного, а как на Доминирующего. Безусловно, новая этика как новый подход к Другому и новое восприятие инаковости во всех ее проявлениях определяет современные социальные и межличностные отношения, однако она насаждает свои законы» [Жадунова, 2023].

Конечно, мы понимаем, что группы эти финансируются и поощряются богатыми политическими кругами в США, в частности демократической партией, преследующей собственные интересы, но сама «нормализация» и легитимация явно разрушительных поступков и действий хорошо вырастает на почве антидемократического предпочтения частного общему.

Второе парадоксальное проявление «новой нормальности» – это представление о полной безответственности и индивидов, и групп за свои противоправные и аморальные деяния. Но такое «право на безобразия» было, пожалуй, обосновано еще в XX веке представителями французского постмодернизма. В работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари [2007] вполне всерьез идет речь о свободных индивидах как «шизопотоках», не

являющихся субъектами, не имеющих определенного «я». Разве «шизопоток» может отвечать за свои поступки, если они не являются субъектами и противостоят государственной «паранойе»? Разумеется, нет. «Нормальным» и похвальным оказывается то, что всегда порицалось в силу своего очевидного вреда: отсутствие самосознания и воли, подчиненность сиюминутным капризам и вспышкам неуправляемых импульсов, полнейший «перформанс» без точки внутренней опоры. До XX века вся человеческая культура была направлена на то, чтобы выковать в людях отличие от чисто животного начала, от потакания «хотелкам», но современность отвергла мораль и аскетизм прошлого, опустив человека, пожалуй, ниже животных. Другой вопрос, долго ли можно просуществовать при подобном представлении о «нормальности»?

3. Если «старая нормальность», не отрицая природных корней человека, стремилась поднять человека над ними, выстроить его поведение и переживания как направленные в сторону духовности, то «новая нормальность» прежде всего редуцирует индивидов к их телесной природе. К тому же она несоразмерно раздувает требования этой природы, потакая любым ее проявлениям, в том числе вредным и для самих индивидов, и для сообщества, *приветствует отклонения от типовых реакций, преклоняется перед свободой извращений, объявляя их проявлениями уникальности.*

Следующим шагом является *фантазирование* на тему уникальности и создание десятков «псевдоестественных различий», называемых в данном случае *гендерами*. Западные СМИ настойчиво обрабатывают сознание миллионов, формируя иллюзию массовости, многогендерности, то есть, приписывая выдуманному половому различиям якобы объективный статус. Через «окно Овертона» постепенно протягивается принятие искажений в качестве норм, и это уже не потакание природным склонностям, пусть даже гипертрофированным или необычным, а *посягательство на саму естественно-природную основу человеческой жизни*. Это вновь проявление убежденности в «абсолютной свободе» человека, который не только реки поворачивает и горы переносит с места на место, но и с собственной природой поступает как угодно. Это – *конструктивизм без берегов*, выгодный определенным политическим группам, но при этом совершенно безответственный, ибо кто ответит впоследствии за искаленные судьбы детей, хирургически и фармакологически перекроенных из девочек в мальчиков или наоборот?

Собственно, конструктивизм этот с претензией встать на место Бога, который «умер», проявляется и в таких феноменах, как квадроберы, и в таких, как трансгуманисты. Квадроберы – модное, но, надо думать, кратковременное поветрие среди подростков, это изображение из себя животных, зверей с подражанием их поведению. Можно сказать, что это отождествление со скотством, то есть редукция, сведение человеческой сложной природы до биологического субстрата, притом чужого. Это отказ от сознания. От подобной навязчивой игры недалеко до отождествления «я – чайник», которое всегда звучало в анекдотах про сумасшедших. Но если быть сумасшедшим и отказываться от человеческого статуса – это «новая норма», то почему бы ей не последовать?

Другой, более опасный и долгосрочный вариант представляет собой следование установкам трансгуманизма, претендующего на тесную связь с передовой наукой. Трансгуманизм не сводит природу человека к естественно-биологическому основанию, он делает еще хуже: отказывается от возможностей биологической природы человека как «несовершенной» и стремится связать внутренний мир человека с искусственным неорганическим субстратом – с технико-технологическими устройствами. Конечно, никто не отрицает важность бионических протезов или других приспособлений для инвалидов, для тех, кем утрачены возможности естественного тела, но попытка перевести здоровый организм на синтетическую связь и слияние с техникой, с тем, что создано ограниченным человеческим умом, это преступление против тела и природы. Самовлюбленный титанизм, желающий переконструировать все на свете, вживляя ненужные чипы, хочет

нас заставить поверить, что зависеть от искусственных предметов, внедренных без нужды в организм, – это «нормально» и, опять же, похвально и модно, соответствует современным веяниям.

Так постепенно гипертрофия представления о свободе ведет не только к отказу от священного и духовности, но и к третированию тела и инстинктов: полового инстинкта, родительского инстинкта, инстинкта защиты территории (в представлении о нормальности бездушного космополитизма с установкой «где лучше платят, там и родина»). И все это оказывается тесно связано с отказом от фундаментального инстинкта, положенного в основу самого факта существования – *с инстинктом самосохранения, выживания, жизни*. Идея «свободы без берегов» ведет к смерти и самоуничтожению, которое теперь прочитывается как «норма».

Примечательно, что христианское представление о Боге всегда связывалось с жизнью и потому, что Христос воплощается в человеческом теле, живет повседневностью обычного человека, а потом прокладывает людям путь *в жизнь вечную* «смертью смерть поправ». Христианство *удваивает жизнь*, давая ей продолжение в загробном бытии и осуждает самоубийство, стремление к смерти: не ты сам дал себе жизнь, не тебе ее у себя и отнимать. С убийством же однозначно ассоциируется бесовщина и дьявольщина, переход на сторону врага рода человеческого, который соблазняет и искушает злом, нередко придавая злу прельстительные формы.

В светском гуманизме XX века христианская идея неоспоримой ценности жизни активно воспроизводится, хотя и без конфессионального обоснования (большинство антропологических философов XX века при всей своей внешней светскости неявно склоняются к мистицизму). Так, Э. Фромм [1993] призывает своих читателей не тратить время жизни зря, чтобы реализовать полноту своих возможностей; В. Франкл категорически отрицает самоубийство, утверждая, что смысл жизни всегда может быть найден [2009], А. Маслоу [1999] приводит множество примеров человеческой самоактуализации, позволяющей проживать свою жизнь счастливо, никогда не теряя к ней интереса. Жизнь остается для внецерковного гуманистического сознания непререкаемой ценностью, хотя порой герои жертвуют собой ради блага сообщества и коллектива. А влечение к смерти – к убийству и самоубийству – является однозначно злом, *это антиценность, ценность со знаком минус*.

И даже если считать стремление к смерти глубинным инстинктом, как полагает З. Фрейд, культура прилагает огромные силы для того, чтобы укротить и свести к минимуму это разрушительное влечение. Впрочем, является ли агрессия непременно «влечением к смерти»? Думается, гораздо чаще в войнах, драках и любой борьбе это – *влечение к победе и доминированию*, которая *может* кончиться смертью как своим *побочным эффектом*, но вовсе не обязательно столь печально кончается. Самоубийство же в истории культуры по большей части всегда оценивалось негативно – как поражение перед испытаниями, страданиями и врагом.

Но вот «новая нормальность» оказывается утверждением именно ценности смерти как «высшего уровня свободы». Не об этом ли еще в XIX веке писал Ф.М. Достоевский в своих «Бесах»? Взглянем коротко на форму проявления этой «свободы».

Во-первых, само нежелание рождать и растить детей ведет прямо к исчезновению народов и культур, к постепенному их вытеснению с жизненной арены и деградации. А такое нежелание объявляется и нормальным, и прогрессивным, и высоко ценным, в то время как в действительности отказ от создания новых поколений – это самоубийство и семейно-родовое, и национальное. В сущности, оно работает на циничный замысел мировых экономических элит «сократить человечество», которое чересчур расплодилось, да еще и желает достойного уровня жизни!

Во-вторых, легализация извращений и наркотиков, то есть их признание и одобрение, – это еще один вклад в коллективное самоубийство, ускорение бесславного конца.

В-третьих, в западной культуре последнее время стала считаться нормальной и рационально обоснованной *эвтаназия*, по сути отменяющая «клятву Гиппократ», которая запрещает нанесение вреда пациенту, а в своем первоначально античном варианте прямо включала запрет на потворство самоубийству. Конечно, в редких и особых случаях нестерпимых и безысходных страданий эвтаназия, наверное, может быть применена по просьбе больного как гуманное средство. Однако в европейских странах ныне эвтаназию предлагают едва ли не всем подряд. Состарился? Эвтаназия. Получил инвалидность? Эвтаназия. Депрессия? Так умри поскорее! Узаконенное самоубийство и «нормально», и эффективно как способ решения любых проблем. Создавать условия для эффективного самоубийства – тоже бизнес, и на нем можно хорошо заработать... И это, конечно, свидетельствует о крайней ненормальности самого рыночного общества сегодняшнего дня, которое необходимо последовательно возвращать к «старой нормальности», связанной с утверждением жизни, а не со всеобщим унылым стремлением коллективно провалиться в ничто.

Краткие выводы

Наш небольшой обзор практик и идей «новой нормальности» и сопряженной с ней «новой этики» показал, что никакой «новой нормальности» нет, это – лишь *пафосное название*, скрывающее за собой тяжелую социокультурную патологию, которой страдает современное рыночное общество Запада.

Глубокая болезненность и уродство «новой нормальности» связаны с двумя главными моментами:

1) с высокомерным индивидуализмом, жаждущим безграничной свободы, со стремлением «занять место Бога» и по своему маленькому разумению, не оглядываясь на последствия, перекроить весь мир; этот индивидуализм, активно «беспредельничая», не только отвергает высшее, но посягает и на человеческую природу, делая телесность своей игрушкой;

2) с депрессивным стремлением к смерти, к тому, чтобы перевести все органическое в неорганическое состояние. Это желание умереть и привести к смерти других тем более негативно, что сама смерть современными безрелигиозными людьми понята отнюдь не как «другая жизнь», не как переход в иной план бытия, а как полный и окончательный предел жизни и самосознания, как небытие в полном смысле слова. Кстати сказать, ни верующие, ни мистики не приветствуют стремления убежать от трудностей земной жизни в духовный мир, поскольку с их точки зрения мы посланы сюда для решения ряда проблем и духовного роста.

К переворачиванию ценностно-нормативной пирамиды западное человечество шло в течение нескольких последних веков, и этот процесс еще ждет своего исследования. При этом хочется верить, что ценность жизни и духа непременно одержит победу над иррациональным своеволием и разложением. Каждый из нас способен внести свой вклад в возвращение к «старой», а на самом деле вечной и универсальной нормальности.

Список литературы

- Бахтин М.М. 1965. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 543 с.
- Гридина Ю.В., Фарафонов С.А., Цагараева Е.К. 2016. Современные критерии разграничения психической нормы и патологии. *Кубанский научный медицинский вестник*. № 2 (157) С. 94–98.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 672 с.
- Жадунова Н. В., Гришнев А. А. 2023. «Новая этика»: нормальное и аномальное. *Социальные нормы и практики*. № 2.
- Корецкий Д.А. 2020. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия. *Уральский журнал правовых исследований*. № 4. С. 123–130.
- Косенко Н.А., Красильников Г.Т., Косенко В.Г., Агеев М.И., Шулькин Л.М., Курдюмова М.И. 2020. Философия феминизма в современном мире. *Вестник науки*. № 4(25).).

- Лэнг Р. 1995. Политика переживания. Лэнг Р. Расколотое «Я». СПб.: Белый кролик, 352 с.
Маслоу А.Г. 1999. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 478 с.
Маслоу А.Г. 1997. Психология бытия. М.: Рефл-бук, Ваклер. 300 с.
Ницше Ф. 1990. К генеалогии морали. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль. С. 407–524.
Тетенков Н.Б. 2020. Норма и патология как гносеологические категории. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. Vol. 9. Is. 3A. С. 36–43.
Федорова Н.В. 2016. Проблема нормы и ненормального в философском дискурсе. *Гуманитарные исследования*. № 4 (13). С. 39–41.
Франкл В. 2009. Сказать жизни «Да!» (психолог в концлагере). М., 239 с.
Фромм Э. 1993. Революция надежды. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., Республика: 218–357.
Фромм Э. 1993. Человек для самого себя. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., Республика: 19–191.

References

- Bakhtin M.M. 1965. *Tvorchestvo Fransua Rablei narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa*. [The work of Francois Rabley folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 543 p.
Gridina Yu.V., Farafontov S.A., Tsagaraeva E.K. 2016. Sovremennye kriterii razgranicheniya psikhicheskoi normy i patologii [Modern criteria for distinguishing mental norm and pathology]. *Kuban Scientific Medical Bulletin*, 2(157): 94–98.
Deleuze J., Guattari F. 2007. *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Factoriya, 672 p.
Zhadunova N.V., Grishneva A.A. 2023. «Novaya etika»: normal'noe i anormal'noe. Sotsial'nye normy i praktiki ["New ethics": normal and abnormal. Social norms and practices], 2.
Koretsky D.A. 2020. Terminologicheskie novelly «novoi normal'nosti» i ikh yuridicheskie posledstviya [Terminological novels of the "new normality" and their legal consequences]. *Ural Journal of Legal Studies*, 4: 123–130.
Kosenko N.A., Krasilnikov G.T., Kosenko V.G., Ageev M.I., Shulkin L. M., Kurdyumova M.I. 2020. *Filosofiya feminizma v sovremenном mire* [The philosophy of feminism in the modern world]. *Bulletin of Science*, 4(25).
Lang R. 1995. *Politika perezhivaniya* [The politics of experience]. *Lang R. The split "I"*. St. Petersburg: Belyi krolik, 352 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.02.2025

Поступила после рецензирования 17.05.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received February 17, 2025

Revised May 17, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна, доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-5954-2758](https://orcid.org/0000-0002-5954-2758)

Пендюрина Людмила Петровна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия и мировые религии», Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Zolotukhina-Abolina, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of Foreign and Domestic Philosophy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-5954-2758](https://orcid.org/0000-0002-5954-2758)

Ludmila P. Pendyurina, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia.